

Когда доктора Трушечкина перевели в отделение для сирот, он обрадовался. Это была его «стезя». Почувствовал это сразу.

«Дети такой забавный и славный народец,— говорил он,— но их мамы... Попадают такие экземпляры, что упаси Бог».

А здесь, в этом отделении, дети находились без мам. Это были сироты, брошенные дети, поступавшие в отделение с вокзалов, найденные в подвалах, дети пьющих или бомжующих родителей. Некоторые из них не знали о существовании слов: «мама», «папа».

Через месяц работы в этом отделении Роберт Петрович уже чувствовал себя папой всей этой несчастной ребятни.

Работалось ему хорошо. Но тяжело. Роберт Петрович был сентиментален от природы. Ничего не стоило слезам выступить у него в глазах, если он видел по телевизору фильмы про войну, катастрофы, где страдают или гибнут дети. Или передачу о беспризорниках, шарящих в помойках в поисках пропитания или одежды. Тогда глаза его увлажнялись, и он отворачивался или начинал тщательно протирать очки, близоруко щурясь, чтобы жена и сын не увидели его слез.

Иногда такой конфуз случался с ним и при осмотре очередного беспризорника или при чтении сопроводительных документов на него, где за сухими фразами чиновничьего опуса ему картинно виделись страдания, выпавшие на долю маленького человечка.

— Будет вам, Роберт Петрович,— говорила старшая сестра отделения Варвара Николаевна.— сердце себе надрывать. Выплывут наши гавроши. В обиду не дадим. А этих сучек я бы ...

И тогда в сердце добрейшего Роберта Петровича закипала жгучая ненависть ко всем этим... Но человек он был деликатный и даже мысленно не употреблял бранных слов. Оттого жгучее чувство, переполнявшее его в такой момент, было еще нестерпимее.

А итогом было то, что во всей больнице не было более самоотверженного и душой болеющего за своих пациентов врача, чем Роберт Петрович. И закрепилось за ним не насмешливое, а уважительное прозвище — «папа Трушечкин».

Над отделением шефствовал православный храм, расположенный по соседству с больницей. Раз в полгода приходил батюшка, отец Паисий, и крестил детей в православную веру. Крестной матерью всегда была Варвара Николаевна. А крестного отца не было, потому что в отделении тогда не было мужчин.

Когда в очередной раз пришел отец Паисий, Варвара Николаевна решила, что Роберт Петрович должен быть крестным отцом.

— Сам Бог велел,— сказала она.

Раз Бог велел, Роберт Петрович согласился. Сам он крестился уже взрослым и был наречен Петром в память о своем отце.

В этот раз не крещенным оказался лишь Петя Курский. Фамилию дали по названию вокзала, где его нашли. Четырехлетний мальчонка утверждал, что у него есть «мамка», да только имени ее вспомнить не мог. Вид у него, когда он поступил в отделение, был такой, словно он год прожил в лесу или в подвале.

Его отмыли, отчистили, постригли, причесали. Оказался симпатичный белобрысый человечек с синими глазами, ласковый, но пугливый.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа,— начал отец Паисий, предварительно выяснив, крещен ли Роберт Петрович в православную веру. Доктор Трушечкин факт подтвердил.

По окончании таинства отец Паисий наставительно сказал доктору: «Теперь вы — крестный отец этого чада и будете держать ответ перед Богом за своего крестника. Пекитесь о его душе и теле».

Роберт Петрович не смог сдержаться. Глаза его увлажнились, и он стал тщательно протирать очки, близоруко щурясь.

Прошло месяца два. Роберт Петрович как мог «пекся» о душе и теле Пети Курского. На другой день после крестин он принес из дома

штаны, курточку и еще кое-что из одежды, которая была уже не в пору его сынишке.

— Вот это да!— только и сказал Петя Курский, увидев себя в зеркале в обновке.

Вот таким образом гардероб крестника доктора Трушечкина постоянно пополнялся, потому что всегда находилось то, из чего его сын уже вырос.

Потом Роберт Петрович стал брать Петю Курского к себе домой на выходные, и они ходили одной семьей в кино или цирк.

Прикипел Роберт Петрович к Пете Курскому сердцем, и Петя к нему тоже. Да и ко всей его семье — жене, сыну и спаниелю Тимке. Уже стала появляться в голове доктора сначала несмелая, а потом все более уверенная мысль — а не усыновить ли Петю Курского. Жена догадывалась об этих мыслях, но виду не показывала.

Однако этому не суждено было случиться.

Роберт Петрович сидел за столом в ординаторской и делал записи в историях болезни, когда его позвала Варвара Николаевна.

— Вас тут одна мамаша спрашивает,— сказал она.

«Какая еще мамаша?» — подумал Роберт Петрович, и сердце его в груди неприятно шевельнулось от недобрых предчувствий.

Когда Роберт Петрович вошел в игровую комнату, первым, кого он увидел, был Петя Курский. Мальчик стоял и обнимал сидевшую перед ним женщину.

— Это моя мамка,— сказал он Роберту Петровичу.

Доктор Трушечкин взгляделся и разглядел молодую женщину, густо накрашенную, от которой пахло табаком. В остальном же это была вполне обычная женщина, из тех, кого он часто привык видеть за пять лет работы детским врачом.

— Я за ним. Можно?— робко сказала она.— Я больше не буду. Честное слово... Кум.

Последнее слово сразило доктора. Роберт Петрович поспешно снял очки и стал тщательно их протирать.

Затем отвернулся и поспешно вышел из игровой комнаты.

